

А. М. ЩЕРБАК (Ленинград): О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой)

I

Возникновение алтайской гипотезы, устанавливающей генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, относится к середине прошлого столетия, т. е. к тому времени, когда труды М. А. Кастрена сделали доступными для большого количества специалистов материалы многих ранее неизвестных языков Сибири, Алтая и Урала.

Чисто лингвистические данные — сходство в структурном отношении, наличие общих лексических и морфологических элементов, а также такой субъективный фактор, как стремление расширить границы финно-угорского языкового мира, способствовали распространению алтайской (resp. урало-алтайской) гипотезы и сделали ее одной из центральных тем востоковедения. Все же языковеды обращались к алтайской гипотезе лишь периодически — либо с целью подкрепления ее новыми фактами и собственными соображениями, либо для того, чтобы доказать ее необоснованность и несостоятельность. Характерно, что ни одна имевшая место до сих пор попытка объяснения больших материальных и структурных сходств в пределах алтайских языков не была удачной, и полученные результаты не разрешили спорные вопросы алтаистики.

Важным результатом алтаистических исследований на протяжении последних трех-четырех десятилетий явилось выделение в самостоятельную группу финно-угорских и самодийских (т. е. уральских) языков и ограничение состава алтайской общности тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Алтайская гипотеза в новом варианте — более убедительное и располагающее к себе построение, и вполне понятен тот интерес, который она вызывает в настоящее время у многочисленных специалистов: тюркологов, монголистов и тунгусоведов.

Признание правомочности алтайской гипотезы поставило языковедов перед необходимостью сравнительного исследования алтайских языков и восстановления алтайского прайзыка. Объективным основанием для такого исследования служит наличие большого количества параллелей, которые рассматриваются как результат довольно позднего развития алтайских праформ. Необходимо, однако, отметить, что общее число сплошных тюрко-монголо-тунгусских параллелей невелико и что тюрко-монгольских параллелей во много раз больше, чем тюрко-тунгусских. Так, по подсчетам В. Котвича, монгольские языки имеют около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими, в то время как в тунгусо-маньчжурских языках 10% лексических элементов, общих с тюркскими и монгольскими языками, и 5% морфологических элементов¹.

II

Наличие в разных языках большого количества параллелей заслуживает самого серьезного внимания и действительно является в какой-то мере предпосылкой для их сравнительного исследования. Вместе с тем хорошо известно, что наличие параллелей не обязательно обусловлено генетическими связями соответствующих языков. Поэтому при наличии параллелей всегда актуален вопрос о том, с чего начинать исследование: с реконструкции праформ, с подсчета общих моментов, с установления фонологической системы каждого из языков или каждой из языковых групп в отдельности, с определения характера исторических связей между ними и т. д.

Для алтаистики, как нам кажется, решение этого вопроса имеет особую важность.

Будет ли полезным и надежным путь непосредственной реконструкции алтайских праформ в условиях, когда генетическое родство алтайских языков еще вызывает большие сомнения и когда даже сторонники алтайской гипотезы часто выражают неуверенность по поводу того, считать ли сходство тех или иных языковых форм результатом развития общеалтайского состояния или следствием продолжительных контактов? Разумеется, нет. Такая работа может оказаться совершенно излишней и бесполезной, а установленные фонетические соответствия могут оказаться результатом закономерного освоения заимствованных слов.

Подсчет общих моментов, встречающихся в разных языках, не дает почти ничего для определения характера связей между ними, так как общие моменты имеют двоякую природу, если не считать случайных совпадений, а также совпадений, являющихся следствием общности происхождения аффективной речи. Общие моменты могут быть обусловлены:

1) развитием тех или иных языковых единиц из общих прототипов, объединяемых понятием прайзыка или языка-основы;

2) взаимным влиянием языков в условиях опосредствованных отношений, непосредственного контакта или двуязычия (с частичным смешением).

Возможность разграничения этих двух групп в процессе использования статистических приемов нереальна.

Установление фонологических систем тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского прайзыков порознь и последующее сопоставление дифференциальных признаков фонем с учетом хронологических мо-

ментов, несомненно, принесут большую пользу. Однако возможность совпадения дифференциальных признаков не исключена и для языков, не связанных узами генетического родства, причем коэффициент вероятности такого совпадения весьма высок, так как количество дифференциальных признаков в общелингвистическом плане ограничено. С другой стороны, вполне допустимо расхождение в указанном отношении даже диалектов одного языка (ср. узбекский язык). Поэтому установление пражзыковых фонологических систем само по себе не может решить алтайскую проблему и не может служить исходным пунктом алтайских исследований.

Иначе обстоит дело с определением характера и степени исторических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Как противники, так и сторонники алтайской гипотезы признают, что наличие многократных, тесных и продолжительных контактов между разными алтайскими языками является бесспорным фактом. Так, Б. Я. Владимирцов неоднократно указывал, что взаимодействие тюркских и монгольских языков объясняет природу многих тюрко-монгольских параллелей и что монгольские языки испытали большое влияние тюркских языков.

«Если мы обратимся к древнейшим монгольским памятникам, — писал он, — то найдем фактическое, документальное подтверждение того, что языковой мир турок влиял на языковой мир монголов»².

На существование контактов между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками указывает также Л. Лигети, отмечавший, что «племена и народы, носители этих языков, начиная с самых древних времен многократно вступали друг с другом в длительные интенсивные соприкосновения. Эти соприкосновения, безусловно, оставляли следы как в словарном составе отдельных алтайских языков, так и в их грамматической структуре»³.

Возможность непосредственного взаимодействия тюркских и маньчжурских языков отмечается в специальной статье В. Котвича⁴. Автор ее говорит также о конкретных результатах этого взаимодействия.

Наличие длительных контактов (по крайней мере на протяжении последних полутора-двух тысяч лет) между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами делает первоочередной необходимость выделения в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках таких элементов сходства, которые обязаны своим происхождением не генетическим факторам, а историческим обстоятельствам.

Выделение слов и форм, появившихся вследствие взаимодействия, т. е. разного рода заимствований, поможет составить более четкое представление о тех сходствах, которые нельзя объяснить наличием контактов. Характер их укажет направление дальнейших поисков и предопределит возможность (или невозможность) применения сравнительного метода.

III

Возможно ли более или менее точное установление факта заимствования?

Если заимствования существуют в языке длительное время и прочно вошли в его систему, то всякие границы между «своим» и «чужим», как кажется, исчезают. И все же на поставленный выше вопрос в целом можно ответить утвердительно.

Во всех алтайских языках прослеживаются те или иные признаки, позволяющие выделить (в совокупности или порознь) группы заимствованных слов или отдельные заимствования. Эти признаки относятся к фонетическим данным слова, к его семасиологическим связям в пределах соответствующей лексической группы, а также к морфологии.

Некоторые из указанных признаков послужили Б. Я. Владимирцову основанием для выделения большой группы тюркских заимствований в монгольских языках. Так, разбирая слово *keseg* «часть», «кусок», Б. Я. Владимирцов отмечает, что это слово, несмотря на широкое распространение его в старом монгольском письменном языке и в современных монгольских языках, на монгольской почве необъяснимо. В тюркских же языках его этимологический состав ясен, и несомненна тюркская принадлежность самой грамматической формы, ср. тат. *kisäk*, узб. *kësäk* (кусок) от *kës-* (резать) + афф. *-äk*⁵.

Пользуясь семасиологическим анализом, Б. Я. Владимирцов устанавливает тюркское происхождение таких монгольских слов, как *el* «мир», «согласие», «союзник» и *elči* «посол»⁶. Семасиологический анализ делает также очень вероятным предположение о тюркском происхождении монг. письм. *köke* «голубой». В тюркских языках значение «голубой» — производное от значения «небо» (турк. *kök* «небо», «голубой», ср. польск. *niebo* «небо», *niebieski* «голубой»); в монгольских языках такую преемственность значений для *köke* обнаружить не удается. Кроме того, многие прилагательные, обозначающие цвет в древних монгольских языках, имеют особую структуру, ср. *ulačan* «красный», *počočan* «зеленый», *čačan* «белый», *baračan* «темный», *jačan* «розовый», «светло-фиолетовый», *gęgęn* «светлый».

Чрезвычайно важным разграничительным признаком тюркских и монгольских элементов, по нашему мнению, является фонетическая структура слова. Учитывая наличие в древних монгольских языках такой закономерности, как открытость или звонкое окончание слога и нетерпимость в конечной позиции шумных согласных, следует считать заимствованными из тюркских языков почти все слова с дополнительными гласными или сочетаниями гласных и звонких (преимущественно сонорных) согласных⁷, ср. др.-турк. *kïlïñç* «поступок», монг. письм. *kilinče* «грех»; др.-турк. *sañdak* «колчан», монг. письм. *sayañday*; др.-турк. *tamba* «печать», «тавр», монг. письм. *tatača*; др.-турк. *arib* «чистый», монг. письм. *orijun*; др.-турк. *kök* «голубой», монг. письм. *köke*; др.-турк. *jüräk* «сердце», монг. письм. *jirüken*; др.-турк. *ärk* «сила», монг. письм. *erke*; др.-турк. *barķ* «имущество», монг. письм. *barača*; др.-турк. *ajak* «чаша», монг. письм. *aļača*; др.-турк. *jash* «год||возраст», монг. письм. *nasi(n)* и многие другие.

Большую роль при выделении заимствованных слов играет учет фонетических соответствий. Известно, например, что в древних тюркских языках общетюркский начальный **t* перед любыми гласными сохраняется без перехода в *č*, в монгольских же языках начальный **t* в позиции перед *i* переходит в *č*. Если сравнить др.-турк. *tïňla-* «слушать», *čida-* «мочь» и монг. письм. *čingña-* (<**tingna-*), *čida-* (<**tida-*) с теми же значениями, то станет ясно, что *čida-* в тюркских языках не может быть закономерным продолжением общей тюрко-монгольской основы, так как в тюркских языках следовало бы ожидать **tïda-*. Заметим, кстати, в древнейших тюркских текстах *čida-* не встречается. Приведем другие примеры: др.-турк. *jash* и *jıl* «год» и монг. письм. *nasi* и *jıl* «год». Соответствие *š~l* в тюркских языках является вполне законо-

мерным (ср. *bäsh* «пять» и *biläk* «кисть руки») и отражает разделение древних тюркских диалектов на ламбдаизирующий и неламбдаизирующий типы. Пратюркская форма, к которой можно было бы возвести *jash* и *jıl* — **đ'aš* ~ **đ'iš*. Что касается монгольских примеров, то закономерное соответствие между ними на монгольской почве отсутствует, и общую исходную для них форму восстановить не удается. Если же предположить, что монг. письм. *nasu* и *jıl* являются разноместными заимствованиями из тюркских языков (соответственно из *jash* и *jıl* ~ *jıl*), то все трудности в объяснении соответствия *nasu* ~ *jıl* в монгольских языках исчезнут. О том, что *nasu* и *jıl* — заимствования из тюркских языков, свидетельствуют и другие факты. Так, в монгольских языках общеупотребительное слово для обозначения года — (*h)on*. Известно также, что все случаи употребления слова *jıl* в древних монгольских текстах связаны с календарными обозначениями по двенадцатилетнему животному циклу, который был заимствован монголами у уйгуров; ср. *hüker jıl* «год коровы» (NT, 199); *qulučana jıl* «год мыши», *qonin jıl* «год овцы», *bars jıl* «год барса» (Mong. Briefe, 841—847); *ji jing šim morin jıl* «год лошади» и *ji ji չaxai jıl* «год свиньи» (надписи *Erdeni-dzu* и *Tuen Huang'a*)⁸.

Небольшая группа заимствований может быть выделена в результате анализа структурно-грамматических особенностей корневой морфемы; ср. др.-монг. *jorči-* «идти» (*jorčiba* «отправился», NT, 61, ср. также *jorčuba*, АФМ, 154) и др.-тюрк. *jop̄i-* ~ *jop̄i-* «идти», др.-монг. *qabči-* «сжимать» (*qabčiba* «зажал», Сл. *Замахшари II*, 180, 284) и др.-тюрк. *kan-* «хватать», др.-монг. *čabči-* «рубить саблей» (*čabčiba* «рубил», Сл. *Замахшари II*, 129, 434) и тюрк. *чаб-* «рубить саблей (мечом)». Наличие в приведенных примерах аффикса *-či*, выполняющего функции глагообразовательного элемента, указывает на неопределенность грамматической семантики непроизводных основ *jor(i)-*, *qab-* и *čab-* в монгольском письменном языке. Эта неопределенность — следствие того обстоятельства, что названные слова не являются собственно монгольскими и их грамматическое восприятие в монгольских языках, как это бывает довольно часто, не вполне совпадает с тем грамматическим содержанием, которое они имеют в тюркских языках.

Наконец, нельзя отрицать значения и такого, несколько примитивного приема определения заимствований, как исключение синонимов. Если два слова из основного лексического фонда, передающие одно и то же значение, имеют неодинаковое распространение в языке, то одно из них, менее употребительное и менее распространенное в памятниках и диалектах, можно предположительно считать заимствованным. Ср. *asaq(u)-* «спрашивать» (NT, 30) и *sura-* (NT, 30), *bütty-* «кончаться, завершаться» (Сл. *Замахшари II*, 128) и *tüge-* (АФМ, 109), *debse-* «плясать» (NT, 57) и *bÿje-* ~ *bÿji-* (АФМ, 128, Сл. *Замахшари II*, 123).

Почти все перечисленные выше признаки могут служить также для выделения монгольских заимствований в тюркских языках. Например, др. уйг. *бранбар* «правое крыло», *јванбар* «левое крыло», тув. *ажїлчїн* «рабочий», *бодал* «мысль», узб. *бунан* «лошадь (конь) по третьему году», *đönён* «лошадь» (конь) по четвертому году», ст.-узб. *олja* «добыча», *öбучин* «болезнь» этимологизируются только на монгольской почве и, следовательно, тюркское происхождение их сомнительно.

Ст.-узб. *дубулба* «шлем» и *бул* «главный отряд» наверняка восходят к др.-монг. *duγulγa*, *γul*, так как в староузбекском языке собственно тюркские слова с начальными *đ*, *β* не встречаются (за исключением

трех-четырех слов). На том же основании можно отнести к числу заимствований из монгольских языков каз. *наңаші* «родня по матери».

Своеобразие морфологической структуры и приемов образования грамматической формы резко выделяет в древних тюркских языках такие соотносительные пары, как *t̄ğin* — *t̄ğit* «принц — принцы», *tar-**kan* — *tar-**kat* «тархан — тарханы». Образование форм множественного числа от измененной основы — явление, несвойственное тюркским языкам, в монгольских же языках этот прием обычен, ср. монг. письм. *qatun* — *qatut* «супруга — супруги», *burγasun* — *burγat* «ивовая ветвь — ивовые ветви» и т. д.

Методика определения монгольских заимствований в якутском языке, включающем в себя наибольшее количество монгольских элементов, разработана С. Калужинским, который устанавливает ряд фонетических признаков заимствованных слов. Приведем один из них. Так, например, в тюркских словах в якутском языке общетюркский начальный *c* исчез, ср. ѹт «молоко», ѹн «ты», ѹс «слово», «молва», общетюрк. *süt*, *sñn*, *söz*; в монгольских словах, как и в поздних русских заимствованиях, *c* сохраняется, ср. *сонун* «новый», *cāmal* «кумыс», *cākīr* «сахар»⁹.

Аналогичные признаки могут быть установлены для выделения монгольского слоя в тувинском языке. Известно, что общетюркский начальный *j(<*d')* в тувинском языке регулярно отражается как *ч*, ср. *ч̄р* «земля», *чок* «нет», *час* «весна». В монгольских словах *j* сохраняется без изменений, ср. *jañan* «розовый» (монг. письм. *jaγān*), *jadī* «бедный» (халха-монг. *ядуу*). Что же касается общетюркского интервокального *j(<*δ)*, то он в тувинском языке выступает как *j*. Поэтому появление тув. *будук* «краска» (ср. общетюрк. *bojuk* <**бодук*) можно объяснить только монгольским влиянием (ср. монг. письм. *buduγ* < др.-турк. *бодук*).

В тувинском языке имеется большое количество слов, начинающихся звуками *m* и *n*. Между тем в общетюркском языке начальные *m* и *n* входили в состав только некоторых местоимений, кроме того, имелся ряд слов, в которых *m* развился из *b* под воздействием последующих носовых. Если выделить последние, а также слова русского, арабского и иранского происхождения, останется значительный слой монгольских заимствований, ср. тув. *mañadal* «восхищение», *manañ* «охрана», *manī* «дикая кошка», *marbılđa* «спорт», *m̄ḡđ* «ложь», *m̄d̄r̄đl* «сознание», *m̄l̄ḡđj* «черепаха», *m̄r̄đilḡđ* «упражнение», *mōñgūn* «серебро», *nađrlal* «праздество», *n̄ḡđlđđ* «требование», *nojan* «нойон» (< кит. *лао-ье*), *n̄ḡđl* «грех», *nachīn* «сокол» (< монг. письм. *način* < тюрк. *laçin* < ?), *nazī* «возраст» (< монг. письм. *nasu* < тюрк. *jash*).

Более частными должны быть признаки тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках, так как количество их весьма ограничено.

О тюркском происхождении эвенского *ogus* «корова» (< якут. *obus*) может свидетельствовать необычность для тунгусо-маньчжурских языков фонетических соответствий, наблюдавшихся в пределах этого слова, ср. эвенск. *ogus*, эвенк. *хукур*, маньч. *ухэр* (в эвенском языке следовало бы ожидать форму *хукур*, а в маньчжурском — *фухэр*).

Этот признак позволяет отнести к тюркским заимствованиям и эвенкийское *хангас* (*сангас*) «жена старшего брата», которое может быть поставлено в связь с общетюркским *j̄ñā* ~ *j̄ñā* только через якутское *саңас* (общетюркский *j* < **d'* в якутском языке закономерно отражается как *c*); маньч. *ачжирган* (< монг. письм. *aγirγa* < тюрк. *aγ̄iρak* < **ad̄b̄iρak*,

ср. эвенк. *адирга*), маньч. *кудархан* «задняя подпру́га» (< монг. письм. *xudurχa* < тюрк. *kyjruk* «хвост» < **кудрук*).

На тюркское происхождение маньчжурского *арслан* «лев» указывает этимологический состав этого слова: *арслан* < *арсїл* «желтоватый», «оранжевый» + *аң* «зверь», ср. в *Словаре Радлова*, т. I, стр. 327: *арсїлаң*, *арсїл аба* и *арсїл аյу*.

Таковы некоторые приемы определения тюркских заимствований в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, монгольских заимствований в тюркских языках и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, — «Rocznik Orientalistyczny», XVI, (1950), Kraków, 1953, p. 313.

² Б. Я. Владимирцов, *Турецкие элементы в монгольском языке*, ЗВОРАО, XX, вып. II—III, СПб., 1911, стр. 159.

³ Л. Лигети, Рец. на кн. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, — «Вопросы языкоznания», т. I, М., 1955, № 5, стр. 134.

⁴ W. Kotwicz, *Les éléments turcs dans la langue mandchoue*, — «Rocznik Orientalistyczny», XIV (1938), Lwów, 1939, p. 91.

⁵ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 170, 171.

⁶ Там же, стр. 176.

⁷ К этому выводу первым пришел В. Котвич, см. W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, p. 21.

⁸ См. W. Kotwicz, *O chronologji mongolskiej*, — «Rocznik Orientalistyczny», II, Lwów, 1925, p. 224. — Мы пользуемся следующими сокращениями: АФМ — П. М. Мелиоранский, *Араб-филолог о монгольском языке*, СПб., 1903; Сл. Замахшари — *Монгольский словарь Муқаддимат Ал-адаб*, ч. I—II, М.—Л., 1938; Mong. Briefe — G. Ramstedt, *Mongolische Briefe aus Idīqut-Schāhri bei Turfan*, SPAW, XXXII, Berlin, 1909; NT — С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.*, т. I, М.—Л., 1941; др.-монг. — древнемонгольский, др.-турк. — древнетюркский, др.-уйг. — древнеуйгурский, казах. — казахский, монг. письм. — монгольский письменный язык, ст.-узб. — староузбекский, узб. — узбекский, тув. — тувинский, якут. — якутский.

⁹ S. Kałużyński, *Miejsce języka jakuckiego w grupie tureckiej i jego stosunek do pozostały ch języków altajskich (Referat)*, «Komitet Orientalistyczny», Z. I, Warszawa, 1959, p. 55—59. — Монгольский слой в якутском языке С. Калужинский считает поздним, формировавшимся начиная с XII в. Еще более поздними, по его мнению, являются тунгусские наслоения.

По докладу выступили А. Зайончковский, В. М. Насилов, Т. А. Бертаев, Дж. Клосон, Л. Лигети.